

**СОРОКА-ОГНЕВИЦА.
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ**

Валерий Лисицкий

Сорока-огневица

Валерий Лисицкий

Сорока-огневица. История первая

«Автор»

2026

Лисицкий В.

Сорока-огневица. История первая / В. Лисицкий — «Автор»,
2026 — (Сорока-огневица)

Поиски пропавшей бабушки приводят Василису в мир забытой магии,
древних духов и интриг тайной организации «Круг».

© Лисицкий В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ПРОЛОГ	6
1	7
2	15
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий Лисицкий

Сорока-огневица. История первая

ПРОЛОГ

*Встань, заря, за полем заалей,
Пробудись, что спало в костях.
Не пыль — жизнь старая под пятой,
Не сон, а солнце в твоих очах.*

ПРОЛОГ

Тьма, вокруг одна только тьма, и нет воздуха, вдыхаешь — а глотку течёт густое и липкое, разрывает лёгкие изнутри, давит, жжёт, и ты идёшь кругом по комнате, роняешь стулья, бьёшься о стол грудью, падаешь, корчишься на полу, в липкой тьме, скалишь зубы, и колотишься затылком об пол, тебе восемь, и хочется позвать маму, но мамы нет, и вместо этого ты кричишь:

— Стр-р-ре-тре-тре!.. Шак! Шак! Шак!

Вокруг тебя люди, и разит гнилью, и тьма становится гуще, и вдохнуть совсем невозможно, а тебя хватают, силой разжимают челюсти, кто-то плачет, весь мир смердит, сердце грохочет в висках, тебе кричат:

— Дыши! Дыши, Василиса!

И нажимают на грудь, а ты ревьешь не своим голосом:

— Сме-е-ерть! Сме-е-ерть придёт! Повстают, неупокойники!..

Кто-то рыдает в голос, и от этого звука тебя скручивает судорогой, и не понять, от наслаждения или страдания, и с твоих губ летит пена, а в месте с ней вырываются на волю нечеловеческие, пронзительные, птичьи звуки:

— Тр-р-е! Стрек! Стрек!

И кто-то шепчет:

— Ох, лишенько, кличет, кличет Клавдь Ивановны внука-то, смерть кличет...

Звуки становятся глуше, твои уши забивает гниль, забивает мерзость, ты барабанишь локтями по полу, разбивая их в кровь и не чувствуя боли, и выгибаешься дугой, и понимаешь, что ничего больше в мире нет и не будет, кроме тьмы, трупной вони и липкой дряни в лёгких, но тут раздаётся голос, спокойный и уверенный, кто-то невидимый, но родной и знакомый, говорит:

— Возьми! Возьми, Василиса! Держи крепко!

Над тобой вспыхивает ослепительным белым светом искорка — первый свет, что ты видишь за целую вечность во тьме и вони, — и ты тянешься к ней, хотя и заходишься в крике от ужаса, просто чтобы не опуститься глубже во тьму, и кто-то сует тебе в ладонь изогнутую железку, сжимает твои пальцы на ней, заставляет держать, даже когда она начинает жечь тебе руку, когда расплавляет кожу и до костей сжигает мясо, даже когда твоё сердце начинает биться словно нехотя, преодолевая засевшую в нём тупую боль, когда твой крик превращается сперва в писк, а потом и в еле различимый хрип, а уверенный голос начинает произносить нараспев:

— На море-окияне, на острове Буяне, за семью цепями камень, всем камням камень, стоит, не шелохнётся, вовек не повернётся! А на камне горит пламя извечное, гонит ночь бесконечную, и несёт его вещая птица, Сорока-огневица...

Ты не слушаешь, ты хочешь, чтобы всё закончилось, чтобы то, что бурлит у тебя в груди, унялось, чтобы тебя оставили в одиночестве, теперь ты хочешь во тьму, теперь ты хочешь в липкое спокойствие медленного разложения, чтобы тебя не жгли ни словом, ни зажатым в кулаке железом, но пламя, вырвавшись из-под пальцев, врзается во тьму, кромсая и разрывая её, гонит её прочь, вокруг тебя бушует пожар, а голос становится громче и заканчивает:

— Будь так!..

1

Василиса дёрнулась, выгнула спину и брыкнула ногами. Угодила в спинку сиденья впереди — в рейсовом автобусе не разгуляешься, — и резко вдохнула. Пассажир перед ней недовольно что-то буркнул, ворочаясь, и Василиса торопливо пробормотала извинения. Резко стёрла рукавом выступивший на лбу пот. Бросила взгляд на ладонь: целая. Ни ожогов, ни шрамов. От сердца чуть отлегло. Она дёрнула притулившийся в ногах рюкзак, резко его расстегнула, сунула руку внутрь и с облегчением провела пальцами по рукояти ножа — витой петле из рессорной стали.

Когтистая лапа ужаса, вцепившаяся в кишки, разжалась. Ком в горле удалось сглотнуть.

— Смерть идёт! — отчётливо проговорил кто-то сзади, и Василиса резко обернулась, но, конечно, не увидела говорившего. Её попутчики мирно спали или таращились в экраны телефонов. И молчали. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

В сереющей предрассветной мгле раннего летнего утра уже мелькали знакомые с детства пейзажи. Василиса не стала снова закрывать глаза и пытаться уснуть. Дождавшись нужного поворота, она подхватила рюкзак и, осторожно уворачиваясь от высунутых в проход рук и ног, дошла до водителя.

— В Дергунах остановите, пожалуйста. — попросила она вполголоса.

Водитель молча кивнул, прижимаясь к обочине, и спросил, распахнув дверь:

— У вас багаж есть?

Василиса покачала головой и спрыгнула на скрипнувший под подошвами кед песок. Автобус умчался дальше по маршруту, подмигивая габаритными огнями, и она осталась одна в спящей деревне. Прохладный воздух освежил после душного салона и прогнал остатки кошмара, налипшие на мысли. Василиса с наслаждением потянулась, хрустнула шеей и закинула рюкзак на плечи.

Бабушкин дом стоял на отшибе, и она промочила ноги, пока шагала от трассы через высокую траву, но это было даже приятно — как привет из детства. От пруда доносилось многоголосое кваканье лягушек, собаки во дворах гремели цепями и лениво ворчали, услышав тихие шаги за оградками.

Вот и знакомый дом. Осторожно, как будто боясь разбудить стены в выцветшей краске, Василиса постучалась в дверь. И то, как звук прокатился по помещению, ей не понравилось. Не по какой-то конкретной причине. Просто не понравилось — и всё тут.

Отступив на шаг, она посмотрела на окна. Дом в ответ глянул угрюмо, как обиженная без вины собака. Тревога загудела у Василисы в груди легко тронутой басовой струной, живо воскрешая сцены недавнего кошмара. Ладони вспотели, и она торопливо вытерла их о джинсы. Потом полезла в рюкзак за ключами и снова задела кончиками пальцев рукоятку ножа. Но это прикосновение, против обыкновения, не успокоило. Нож как будто толкнул её в ответ, предупреждая.

— Так... — пробормотала Василиса.

Ключ легко вошёл в замок, механизм щёлкнул сухо и громко. Василиса зябко повела плечами, прежде чем толкнуть дверь, отозвавшуюся тихим скрипом.

— Ба? — позвала Василиса шёпотом и тут же повторила громче, прочистив горло: — Ба? Я приехала!

Дом отозвался настороженной тишиной. Василиса положила рюкзак на табурет возле двери и прошла, не разуваясь, через тёмный коридор в жилую комнату.

— Ба, ты тут?

В полумраке всё казалось таким же, каким она запомнила: небольшая печь, любовно сложенная из кирпича бабушкиными руками, белый силуэт кровати позади неё, круглый стол справа от входа, стулья вокруг него и светлые прямоугольники фотографий на стенах.

— Бабушка?

Окликнув в последний раз, Василиса щёлкнула выключателем. Бабушки в комнате не было. Ни на кровати, ни, как она опасалась, на полу. Зато тёмное пятно непонятной формы на столе превратилось в сохнувший чабрец, разложенный на пожелтевшей газете. Василиса потрогала его, вспомнив бабушкину присказку, с которой она учила её аккуратно срезать траву ножом:

— На что ты угодна, на что ты пригодна, на то я тебя и беру...

Крохотный паучок выбежал из чабреца и скрылся за краем стола. Чабрец завял, но ещё не стал ломким, значит, бабушка собрала его совсем недавно — должно быть, незадолго до того, как Василиса позвонила сказать, что выезжает.

В порядке всё оказалось и во второй комнате, в которой бабушка хранила вещи, а по летней жаре — и спала, устроившись на потрёпанном диване. На кухне, совмещённой с прихожей, стояла на столе чашка недопитого чая со смородиновым листом и подсыхал нарезанный аккуратными кусочками хлеб. Его Василиса сложила в пакет и убрала в хлебницу на полке, подальше от мышей. Рядом с плитой нашлась кастрюля, в которой растаивалось блинное тесто. Готовилась встречать внучку? А что случилось потом?

Василиса обошла дом, быстро заглядывая во все комнаты и зовя бабушку, потом вышла во двор. Заглянула к курам — те мирно спали, подвернув головы под крылья, на насестах. Безмянный бабушкин кот, который, в зависимости от поведения, становился то Разбойником, то Дружком, дрых, развалившись на небольшом уличном столике, и только дёргал усами, не просыпаясь.

Всё было как обычно. Всё было в порядке. Только бабушки не было дома.

— Позвали её куда-то? — тихо и только наполовину вопросительно произнесла Василиса. Как будто старалась успокоить саму себя. Бабушку ведь и правда могли позвать даже среди ночи.

«Клавдь Иванна, коза рожает!»

«Клавдь Иванна, у внучки живот болит!»

«Клавдь Иванна!...»

Василиса даже поворчала вполголоса, возвращаясь на кухню, одновременно и гордясь бабушкой, и немного, мимолётно недолюбливая соседей: Клавдии Ивановне под девяносто уже, а они всё дёргают! Она наполнила чайник водой из эмалированного ведра, поставила его на решётку над синим газовым цветком, который зажгла на плите, и села на табуретку, глядя на полку с заварками. Чай бабушка всегда покупала самый простой, лишь бы заварку давал крепкую, и сама мешала сухие листья с полевыми травами и листьями из сада. Это — от тревоги, это — от боли, а это — от температуры. Но все — Василиса улыбнулась, вспомнив старую, родом из детства, шутку, — от плохого настроения.

И вздрогнула, вырванная из воспоминаний пятном яркого света, скользнувшим по стене и её лицу. Кто-то подъехал на машине к самому дому и тут же погасил фары. Хлопнула дверь автомобиля, решительные шаги приблизились к входной двери и раздался громкий стук. Когда так стучат в четыре утра — значит, ничего хорошего не случилось. В желудок Василисы как будто упал тяжёлый ледяной шар. В дверь снова постучали, и он открыла, даже не подумав сперва спросить, кто там.

На пороге оказался молодой мужчина, повадками напоминающий охотничьего пса: резкий в движениях, но грациозный, с холодным хищным взглядом. Он быстро оглядел Василису с ног до головы и спросил, слегка выгнув бровь:

— Сорока?

— Да, я. — Василиса кивнула и бросила взгляд на машину незнакомца, отметив про себя московские номера. А ещё — пистолет в кобуре на бедре, который он носил, не скрывая, и полоску ткани на шее, что-то вроде свободного шарфа из мягкой ткани, на котором угадывался вышитый символ: пересекающиеся под разными углами ломаные линии.

Почувствовав, что у неё вспотели ладони, Василиса чуть отступила, покрепче взявшись за дверь. А незнакомец уточнил:

— Клавдия Ивановна?

Василиса покачала головой:

— Василиса Васильевна. Внучка.

Ответ его не смутил. Кивнув, он произнёс тем же уверенным тоном:

— Позовите вашу бабушку. Мне нужно с ней поговорить.

Непроизвольный импульс, возникший в теле, толкнул было Василису повернуться в дом и позвать, но она сумела его подавить. И ответила коротко:

— Её нет дома.

Взгляд незнакомца заледенел. Он машинально дёрнул рукой, его взгляд быстро пробежал по кухне, словно сканируя её, выхватывая и запоминая мельчайшие детали. И тон его тоже стал резким и холодным:

— А где она?

— Не знаю, я сама только приехала, а её... — и только тут Василисе в голову пришёл вопрос, который по-хорошему стоило задать сразу: — А вы кто?

— Полиция. — буркнул незнакомец. Поковырявшись в кармане, он развернул у неё перед носом удостоверение: — Капитан Краснов, Степан Николаевич. Когда вы в последний раз с бабушкой разговаривали?

Корочки были как настоящие. Василиса вздрогнула, поймав себя на этой странной мысли, и посмотрела капитану в глаза. Спокойные, сосредоточенные, усталые. Не слишком-то вязавшиеся с образом бравого мента из сериала, который он невесть зачем на себя нацепил.

— Так! — Василиса, наконец, взяла себя в руки и решительно выпрямилась. — А что происходит? Где бабушка, почему вы...

— Простите, как вас? — прервал её капитан.

— Василиса Васильевна. — повторила Василиса и попыталась продолжить, но он не дал ей шанса:

— Василиса Васильевна, мы разбираемся. И вы нам очень поможете, если сейчас ответите на мои вопросы, хорошо?

Василиса замерла, упрямо поджав губы. Кто «мы»? И в чём они разбираются? Понятно, что ответит он коротко: полиция. И даже удостоверение снова покажет, если понадобится. Вот только Василиса вовсе не была уверена, что это будет правдой. Но всё же она кивнула. Тогда он продолжил:

— Когда вы с Клавдией Ивановной разговаривали в последний раз?

— Вчера вечером, по телефону.

Василиса рассказала ему, как созванивалась с бабушкой, садясь в автобус, и та пообещала, что будет её ждать. Потом кратко пересказала, как ходила по дому, как осмотрела двор. Капитан слушал внимательно и не перебивал, только нервно дёргал щекой и кивал. Когда она закончила, он достал из кармана визитку и протянул её Василисе:

— Держите, тут мой номер. Если Клавдия Ивановна вернётся, или если появятся какие-то новости — звоните в любое время.

Потом он записал Василисин номер в мобильный телефон и уже двинулся в сторону серого внедорожника, на котором приехал, но развернулся:

— Василиса Васильевна, скажите...

Но вопрос так и не прозвучал. Капитан покачал головой и отвернулся. Но Василиса, глядя, как он садится в машину, подумала, что помощь полиции ей точно не помешает. Только менее загадочных её представителей.

Пал Саныч, участковый, честь мундира не посрамил: открыл дверь быстро, несмотря на ранний час, и даже накинув форменную рубашку поверх клетчатых домашних штанов и любовно заштопанной майки. Потом внимательно выслушал, очумело кивая головой, угостил чаем и помог составить заявление.

— Клавдию Иванну я вчера сам видел. — признался он, отчаянно борясь с зевотой. — Всё у ней было прекрасно, домой шла, несла травки какие-то...

— Чабрец. — зачем-то уточнила Василиса, и участковый с готовностью согласился:

— Да, его...

Зевнув и отхлебнув чаю, он продолжил:

— Вы не переживайте, Василиса Васильна. Вы же знаете, к вашей бабушке не только местные, но и из соседних деревень едут. Знаете, что я слышал? Что аж из Тулы к ней мужик приезжал, спиной слаб был, так она его за месяц на ноги поставила! Это уж я о животине не говорю. Бабушку вашу тут крепко уважают, вы ж знаете...

— Она бы предупредила. — возразила Василиса. — И на звонки отвечала бы.

— Ну, это уж, знаете... — участковый ступешался, но одёрнул форменную рубашку и закончил уверенно: — Найдём. Найдём Клавдию Иванну, не переживайте.

Он сгрёб со стола исписанную Василисой бумагу и протяжно выдохнул. Василиса намёк поняла, поблагодарила за чай и позволила проводить себя до двери.

— Будьте на связи! — строго проговорил участковый.

— Обязательно.

Кивнув ещё раз, он аккуратно прикрыл за Василисой дверь. Уже отходя, она услышала, как зазвонил его телефон, и Пал Саныч гаркнул:

— Алло! Я, слушаю... Кого вскрыли? Фуру? Тормознули и вскрыли?! Где?! Ну твою ж мать... сейчас буду!

Громко топая, он умчался в комнату, а Василиса направилась обратно к бабушкиному дому. Через несколько секунд потрёпанная «Нива» участкового взревела двигателем. Василиса оглянулась и увидела, что он направился в сторону трассы. Видимо, дело было срочное. В отличие от исчезновения её бабушки...

Неприятная мысль, как Василиса ни старалась вытряхнуть её из головы, мучила её и кусала, как слепень. Она обошла по новой дом и огород, заглянула в сарай и курятник. Попыталась убедить себя, что участковый не забудет о её заявлении. И что бабушка ушла сама. Ушла, дверь заперла... Может, и правда что-то случилось?

Василиса помнила, как однажды в детстве они сидели с бабушкой во дворе. Бабушка неторопливо перебирала принесённые из ближайшего перелеска грибы, объясняя ей, как отличить хорошие от ложных, которые называла «дураки», а потом вдруг вздрогнула всем телом, побледнела и хрипло выдохнула:

— Петенька!

После чего вскочила и умчалась, бросив распахнутой дверь. Как оказалось — к соседке через два дома, трёхлетний сын которой ухитрился залезть в загон к свиньям. Спасти его успели в последний момент, шрам от зубов на руке от мальчишки остался на всю жизнь. Может, и в этот раз случилось нечто похожее? Вздрогнула, собралась и побежала?

— Будь так! — пробормотала Василиса.

И поёжилась. Откуда это вылезло, что за фраза? Воспоминаниями навеяло, наверное. Задумалась о бабушке, вот и...

Бабушка могла, конечно, броситься к кому-то на помощь. Но дело было совсем не в этом. Никто её никуда не звал, никуда она сама не собиралась. Василиса не просто чувствовала: она знала, как птицы знают о приближении бури.

В дверь постучали, и Василиса вздрогнула от неожиданности. Головная боль вдруг стукнула в макушку, наказывая за бессонную ночь, но Василиса не обратила на неё внимания. Бабушка вернулась?! Она кинулась к двери, но на пороге оказалась совсем не бабушка.

Перед ней стоял крепкий старик с длинной седой бородой, рядом с которым шурился на поднимающееся солнце парень двадцати с небольшим лет. На левом предплечье парня виднелся шрам: несколько бугристых полос.

— Здравствуй, Василиса! — произнёс старик серьёзно. — Как ты выросла-то!

— Дед Петя, здравствуйте!

Старик шагнул ей навстречу, приобнял, похлопывая по спине, и указал на парня:

— Петрушку помнишь?

— Привет! — быстро улыбнулся парень и добавил с нажимом: — Пётр.

Гости зашли в дом и, дождавшись приглашения, расположились за кухонным столом.

— Павлушка сказал, Клавдия Иванна пропала? — спросил дед Петя.

— Павлуша? — переспросила Василиса, но тут же спохватилась: — А, Пал Саныч! Да, я у него была...

Она ещё раз пересказала всю историю, опуская подробности и останавливаясь только на самом важном. Старик выслушал, после чего положил на стол заскорузлую ладонь и произнёс уверенно:

— Никому она помогать не уходила. Тебя ждала с утра, молча точно не отлучилась бы... Искать надо!

— Да я как раз думала сходить... — начала было Василиса, но он перебил её, покачав головой:

— Всем искать. Клавдия Иванна нам столько добра сделала... Петрушка, собирай молодежь! Они порасторопнее будут, а я пока стариков кликну — они поумнее.

Кивнув, парень поднялся из-за стола, и старик строго добавил:

— Соберётесь — и сразу ко мне все. Я скажу, куда идти и что делать. Тут бардака нельзя допускать.

Дождавшись, пока внук серьёзно кивнёт, он повернулся к Василисе:

— А ты отдохни хоть пару часов, на тебе лица нет. Если что приключится — я к тебе Петрушку пришлю. И не спорь!

Василиса честно попыталась поспать, но только проворочалась в кровати, то проваливаясь в беспокойную дрему, то просыпаясь и таращась в потолок или на молчащий телефон. В итоге поднялась и пошла к деду Пете.

Деревня бурлила. Спокойно, без истерики, но бурлила.

Старик сидел перед домом на лавке, спрятавшись в густых клубах табачного дыма, и водил ногтем по потрёпанной карте с надписью «Тульская область». Увидев Василису, он сдержанно ей кивнул и продолжил разговор с пузатым мужиком в камуфляже. Тот отчитывался перед дедом Петей, как перед командиром:

— Посадочку прочесали, ничего. Малье вдоль реки идут. Серый с Михой в полях, щас мы с Машкой и Саней к ним. Мой кореш тульский скоро собаку привезёт, ну, там что-то из шмоток Клав Ивановны нужно будет. Ну, понюхать.

— А вот нам её внучка что-нибудь даст для собачки. Да? — кивнул в сторону Василисы дед Петя.

— Конечно. — Василиса кивнула, вставая рядом с дедом Петей, и повернулась к мужику: — Спасибо вам.

— Да ладно. — он махнул рукой. — Клав Иванна мне пса выходила, вот такого пса-то, шикарного! Ты что думаешь, мы не поможем?

Он хмыкнул и снова повернулся к старику:

— Всё, дед Петь, побежал. Давай на созвоне.

Он ушёл, не прощаясь, и Василиса присела на лавку рядом со дедом Петей. Тот, покашливая и сквозь зубы проклиная старую привычку, пыхал очередной папирсой. Взгляд его не отрывался от карты, словно надеялся разглядеть на ней тайные знаки, которые указали бы ему, куда пропала Клавдия Ивановна. Не отрываясь от своего занятия, он спросил:

— Поспала, дочка?

Василиса покачала головой:

— Не получилось. Не идёт сон.

— Это понятно. — дед Петя качнул головой. — Ты не переживай так. Найдётся твоя бабуля. Нешто думаешь, что Клавдия Иванна в лесу сгинуть может? Или в поле? Ей там роднее всё, чем в своей избе.

Они немного посидели в тишине, и Василиса спросила:

— Я чем-нибудь помочь могу? Сходить куда-то, посмотреть...

— Ты-то? — дед Петя усмехнулся в усы. — Еле-еле душа в теле. Ну, сходи на террасу, — он махнул рукой в сторону летней пристройки своего дома. — Я там чай оставил, принеси уж. А там поглядим...

Василиса замерла, пытаясь понять, хочет ли она отвечать резкостью на насмешку, и в итоге молча поднялась и пошла в дом за чаем. А там, значит, поглядим...

Дверь оказалась не заперта, и она вошла, отодвинув лёгкую занавеску, натянутую в проходе. Чай дед Петя явно любил пить основательно: на раскладном «крылатом» столе стояла огромная кружка с остывшим чёрным чаем. Василиса подняла её и замерла, услышав голос. Он показался ей знакомым, отозвался, будто эхо из ночного кошмара: «Ох, лишенько, кличет...»

Но в этот раз его обладательница говорила совершенно другое:

— Всю деревню на уши подняла, а сама дрыхнет без задних ног, бесстыжая...

Кто-то ответил говорившей, но куда тише, так, что Василиса не смогла расслышать. Зато ответ, произнесённый знакомым голосом, она разобрала легко:

— Кликуша и есть! Принесла беду... Бабка её пропала, а на дороге-то, слыхала, что творится? Фуры грабят! Накликала она, говорю тебе! Петька мой, дурак, ещё за неё надрывается, мужиков собрал, внушка, вона, спровадил с ребятами по полям бродить...

Баба Катя. Василиса узнала голос. Жена деда Пети и подруга бабушки. По крайней мере, она сама себя считала бабушкиной подругой.

Василисе стало противно и горько, как будто помоями окатили, пока она шла по улице. Скривив лицо, она вышла из пристройки. Кликуша, бесстыжая... Краска залила лицо, а кончики ушей запылали. От выступивших слёз защипало глаза.

— Ты чего, Василиса? — дружелюбно поинтересовался дед Петя, когда она тихо села рядом с ним.

Но Василиса только покачала головой, передавая ему чашку.

— Да не бойся ты, найдётся Клавдия Иванна. — старик с наслаждением отхлебнул из чашки и устало потёр глаза. — Не впервой искать-то.

Он побряхтел, ёрзая на скамейке, отхлебнул чаю, причмокнул губами и продолжил:

— Степанову-то знаешь? Надежду Витальну? Вот у неё сынок как-то пропал. Сейчас-то он в Москве уже, как ты, отучился там, работает, семья у него. А тогда, он ещё пацанёнком был...

— Васили-и-исушка! — раздалось от двери дома. — Доченька, проснулась!

Баба Катя застыла на пороге, широко улыбаясь и раскинув руки. Как кобра, раздувшая капюшон, но старательно прячущая ядовитые клыки. У Василисы холодок пробежал вдоль позвоночника, но выкинуть из головы сравнение она не смогла.

— Ну ты как? — налила ещё сиропы баб Катя. — Горюшко-то какое, лишенько, как же это Клавдия Ивановна-то...

— Ты чего причитаешь-то, старая? — грозно нахмурился дед Петя, и Василиса тут же проговорила, не давая им начать спор:

— Я пойду, дед Петь. Пройдусь по полю, может, что увижу.

— Ходили мальчишки в поле уже... — ответил дед Петя, но его слова прозвучали уже ей в спину, так что он переключился на жену: — А ты чего Клавдию-то хоронишь, а?!

Солнце карабкалось выше и выше к зениту. Лёгкие пушистые облака, похожие на незастывший зефир, мчались на фоне пронзительно-голубого неба, бросая тёмные тени на сочную луговую зелень. Стрекотали кузнечики, и в воздухе витал запах тёплой пыли и цветов. Василиса шла, то и дело потирая кончиками пальцев пылающие уши.

Кликуша!

Злое слово жгло нутро, заставляя кипеть в груди злобу пополам с горечью. Её, должно быть, и терпели-то только по одной причине: она была внучкой Клавдии Ивановны. И искали они не её бабушку, а вечную свою опору. Деревенскую...

— Деревенскую ведьму! — прошипела Василиса вслух и снова передёрнула плечами.

Она вдруг вспомнила ни с того ни с сего, что нож остался в рюкзаке. И испытала яркое, как у ищущего сигарету курильщика, желание прикоснуться к изогнутой рукоятке-хвосту, ощутить успокаивающую прохладу и надёжную твёрдость стали.

Но обратно — только мимо дед Петиного дома, под внимательным взглядом баб Кати. Под градом произнесённых, но явственных вопросов: «Чего это кликуша туда-сюда шастает? Чего в поле смотрела? Какую пакость задумала?»

Василиса встала, расслабленно опустив руки, и запрокинула голову к небу. Не все в деревне такие. Наверное, даже не большинство. Дед Петя вот хороший. Пренебрежительный, это факт, но...

Но легче ли от этого?

Василиса свернула с тропинки и пошла, кедами приминая высокие стебли. Детские воспоминания оживали, и попадающиеся на пути травы обретали названия. Станные, будто из сказок: зверобой — заячья кровь, выюнок полевой — милая трава, чистотел — бородавник, тысячелистник — кровавник... Каждому есть применение, от каждого — своя польза.

— На что ты угодна, на что пригодна... — пробормотала Василиса и остановилась, вытирая пот со лба рукавом футболки.

Жара свалилась на неё сразу и вдруг. Голова пошла кругом, как будто невидимый кинооператор крутанул ручку настройки, сбивая фокус со всего мира. Василиса пошатнулась, но устояла. Огляделась вокруг растерянно.

Всё, до чего дотягивался взгляд, выцвело и утратило тени. Реальность сплюснулась, став объёмной картинкой из детской книги-игрушки, нелепой пародией на саму себя, настолько топорной, что хватало одного взгляда, чтобы распознать подделку. Воздух загустел, Василисе никак не удавалось вдохнуть полной грудью, она поймала себя на том, что дышит часто и мелко, как усталая собака.

Над травой прокатился заблудившийся порыв ветра, но его прикосновение не принесло облегчения. Даже наоборот, он словно был ещё горячее, чем неподвижный воздух.

Беспокойство усилилось. Выросло за миг, как катящийся с горы снежный ком. Василиса убрала за ухо прядь мокрых от пота волос, потом завертелась на месте, пытаясь смотреть во

все стороны разом. Только не на небо, ставшее вдруг бездонным и одновременно плоским. Словно мир накрыли тяжёлой глиняной тарелкой, небрежно выкрашенной в тёмно-синий.

Всё вокруг не притихло — оцепенело. Смолкли птицы. Упали в траву насекомые, придавленные жарой. Все боялись, бежали и прятались, только она одна позволила себе быть неосторожной. Упустила из вида что-то важное. По спине пробежал холодок, волосы на шее встали дыбом. Ощущение взгляда в спину ударило по нервам. Василиса рывком развернулась.

Никого. Пустое поле, деревенские дома вдали, извилистая тропинка на пологих склонах. И чувство опасности. Василиса обернулась ещё раз. Что-то мелькнуло... Лёгкая тень на самом краю зрения.

Ещё один резкий разворот, попытка проследить движение — и ничего.

Пусто. Только жаркая хмарь и стискивающая горло паника.

Инстинкты сходили с ума, требовали одновременно смотреть и жмуриться, бежать и прятаться. Василиса закружилась, часто моргая из-за разъедающего глаза пота. И увидела.

Она мчалась огромными звериными прыжками. Похожая на скелет, засунутый в побуревшую от времени кожу толстяка, и совершенно, отвратительно нагая. Колени с каждым шагом били по обвисшему животу. Дряблые груди мотались из стороны в сторону. Редкие лёгкие стариковские волосы торчали вокруг головы наэлектризованной короной.

А перед ней катилась волна жара. Будто открыли заслонку самой огромной печи в мире. Будто разъярённый дракон выдыхал пламя. Будто... Василиса подняла руку, заслонила лицо. Кончики ушей закололо. Воздух обжёг глотку, заставляя надсадно кашлять. Глаза пересохли, слёзы испарялись, едва скатываясь на щёки. Василиса закричала, но крик растворился в дрожащем от жара воздухе над пожухшей травой. Она из последних сил подалась назад...

Земля ушла у неё из-под ног. Василиса ткнулась носом в землю, осознала, что уже не может сделать вдох, и почти с облегчением провалилась в беспамятство.

2

Вода лилась тонкой струйкой прямо на голову. Прохладная, живая... Василиса вытянула губы трубочкой и с наслаждением проглотила несколько капель, попавших в рот. По горлу словно наждаком прошлись, в животе забурлила тошнота. Она фыркнула, дёрнула головой и к тошноте добавилось головокружение.

— Москвичка, — раздался голос у Василисы над головой. — Внучка Сороки.

Услышав фамилию, Василиса попыталась открыть глаза, но не разглядела ничего, кроме цветных пятен. На голову вывалилась новая порция воды, а тот же голос продолжил:

— Под полудницу попала.

— Полудница так себя не ведёт! — попыталась выдохнуть Василиса, но из глотки вырвался только тонкий и надсадный, как гудение ветра в старой трубе, свист.

— Чего говоришь?

Кто-то наклонился над ней и слабо похлопал её по щеке. Василиса попыталась оттолкнуть руку, но тело слушалось с большим опозданием, поэтому она только махнула руками перед собой. И повторила, изо всех сил стараясь говорить отчётливо:

— Полудница так себя не ведёт!

— Вам-то откуда знать, как... — её собеседник осёкся и протянул таким тоном, будто случилось что-то важное: — Та-а-ак, понятно.

Он снова похлопал Василису по щеке, но на этот раз она успела отпихнуть его ладонь и с громким стоном села, помогая себе руками. И добавила, уже понимая, что вообще не стоило заводить этот разговор:

— Это не полудница была.

Человек, ливший ей воду на голову, присел напротив. Сперва она различила лишь его силуэт, но, стоило ей несколько раз моргнуть, как разглядела, пусть и будто сквозь мутное стекло, черты лица. Краснов, Степан Николаевич. Капитан, или кто он там, майор? Звание почему-то совершенно вылетело из головы.

— А вы, — вкрадчиво поинтересовался он. — Василиса Васильевна, откуда знаете, как полудница себя ведёт и как выглядит?

Василиса поглядела на него хмуро, пытаясь сфокусировать зрение, и буркнула:

— Бабушка рассказывала. Она у меня сказки любит.

— А сами видели её хоть раз до этого? — не отстал Степан.

Василиса не ответила. Она потёрла лицо ладонями и жестом попросила бутылку, которую полицейский держал в руке. Он терпеливо дождался, пока она напьётся, и спросил снова:

— Василиса Васильевна, видели вы когда-нибудь полудницу раньше? Своими глазами.

Зрение пришло в норму окончательно, горло перестало саднить, будто она закусывала битое стекло наждачкой. Василиса на пробу повела плечами и попыталась встать. Тело ныло, как после долгой тренировки, но неплохо слушалось, так что хоть это ей удалось.

Она представила, как отвечает ему честно. Говорит, что видела, один раз, в детстве. Когда только-только стало известно, что отец погиб, и она останется у бабушки не до конца лета, но куда дольше. Когда она выбежала в поле, зарёванная, и бежала, путаясь ногами в траве, пока не рухнула без сил на пригорке. Когда над ней показалась высокая фигура в белом платье, с распущенными волосами, почти до белезны выгоревшими на солнце, с венком из полевых цветов на голове. Когда она почувствовала жаркое прикосновение её ладони к макушке и услышала мягкий, похожий на шорох лёгкого ветра в траве, голос, поющий без слов...

Представила — но не сказала ни слова.

— Василиса Васильевна. — Степан поднялся следом и вздохнул. — Нам с вами нужно серьёзно поговорить.

Василиса рассеянно улыбнулась и поглядела влево и вправо, будто прикидывая, куда бежать. И проговорила, виновато опустив глаза:

— Полудница — это оружие какое-то? Я-то про другую, из мифов говорила. Мне бабушка рассказывала. Но я понимаю, что их не бывает, так что...

— Полудница, — перебил её полицейский. — Это полудница. Та самая. Вы её раньше уже видели?

Возможно, начини он задавать эти вопросы чуть раньше, Василиса ответила бы ему честно. Но она уже достаточно взяла себя в руки, чтобы начать осознавать, в каком мире находится. И что в этом мире бывает с теми, кто видит мифических существ в поле. Поэтому она ответила, тряхнув головой и пригладив мокрые волосы:

— Степан Николаевич, я прекрасно знаю, что никаких полудниц не бывает. И леших, и водяных. И нет, не видела я ничего своими глазами. У меня пропала бабушка, я не спала, я устала. Мне стало плохо в поле. Вот я и сболтнула чего-то непонятного. Спасибо вам, что вы меня спасли.

— Я вас услышал. — Полицейский холодно улыбнулся в ответ и махнул рукой в сторону машины: — Садитесь, я вас отвезу домой.

Василиса заколебалась, и он добавил с нажимом:

— Вы не дойдёте сами, а у меня нет времени вас пешком сопровождать... Пожалуйста, садитесь.

В его словах была доля правды — Василиса действительно чувствовала, что она не в силах идти обратно в Дергуны пешком, поэтому кивнула и направилась к внедорожнику. Уже садясь внутрь, она увидела, что Степан снова говорит с кем-то по телефону, но не стала даже пытаться прислушиваться. Навалилась усталость, руки и ноги стали словно варёные.

Она уселась на заднее сиденье и откинула голову на спинку. Мягко гудел кондиционер, гоняя по салону охлаждённый воздух, и можно было бы расслабиться...

Но одна мысль не давала ей покоя: это не могла быть полудница. Полудница выглядела не так. Полудница может быть страшна, да, но она — не чудовище. И она не вела себя таким образом. То, с чем ей пришлось столкнуться в поле, было каким-то монстром, а не духом, оберегающим поля от сглаза, а людей — от работы в солнцепёк.

И всё же...

Василиса повертелась, оглядываясь. В поле никого не было видно, только Степан продолжал разговаривать с кем-то, жестикулируя свободной рукой.

И всё же то, что она испытала прямо перед появлением чудища, «полуденный ужас», был тем же, что и в детстве. Мир выцветает, теряет объём, небо становится тяжёлым, твёрдым и низким, воздух превращается в кисель, а в голове не остаётся ни единой мысли, ничего, кроме панического желания бежать. Или прятаться. Отрывочные воспоминания становились ярче, объёмнее. Становились настоящими.

Полудница так себя не ведёт!

— Василиса Васильевна...

Степан запрыгнул на водительское место и хлопнул дверью, заставив Василису вздрогнуть. Он привычным движением завёл двигатель и положил руки на руль, но трогать машину с места не торопился, задумчиво барабанил пальцами по мягкой оплётке и задумчиво глядя на виднеющиеся вдали деревенские дома, перед которыми мельтешили крохотные человеческие фигурки.

— Василиса Васильевна, — начал он по новой. — Я хочу, чтобы вы меня выслушали. И очень внимательно. Хорошо?

Василиса повернулась к нему и натолкнулась на сосредоточенный, серьёзный взгляд. И разглядела, сколько усталости плещется в его глазах — он явно не спал куда дольше, чем она, и,

хотя скрывал эмоции под маской сосредоточенности, явно давно уже пребывал в напряжении. Одного этого взгляда хватило, чтобы она поняла: происходит что-то очень серьёзное.

А Степан тем временем продолжил:

— Я понимаю, в каком мире вы жили до этого. Духи — бабушкины сказки, магии не бывает, всё имеет рациональное объяснение, а если думаешь иначе — сходи полечись. Но!

Он стукнул по рулю всеми пальцами одновременно и продолжил:

— Духи реальны. Магия реальна. То, с чем вы столкнулись — это полудница. — он заметил, что Василиса готовится ему возразить, и повысил голос: — Я знаю, что она ведёт себя и выглядит неправильно! Просто поверьте, — Степан снова заговорил спокойнее. — Что это она.

Он снова посмотрел в сторону деревни, его рука легла на рычаг переключения передач, но трогаться он всё ещё не торопился:

— И самое важное, Василиса Васильевна. Ваша бабушка не потерялась. Она не заблудилась в лесу, ей не стало плохо в поле. Она пропала только потому, что она — ведьма. — Василиса попыталась возразить, но он поднял руку, прерывая её: — Это правда. И вы это знаете. И то, что вы — её внучка, вполне может означать, что и вы в опасности тоже. И это...

— Я не ведьма! — резко оборвала его Василиса. — Что вы вообще... Вы о чём вообще говорите? Я просто... Просто...

— Вы просто кое-что знаете и кое-что видите. — мягко перебил её Степан. — И ваша бабушка тоже кое-что видит. А ещё она знает кучу странных присказок, вся деревня бежит к ней лечиться, и иногда она может чувствовать опасность, которая кому-то в деревне угрожает. — он выдохнул носом и повторил: — Вы можете сказать, что это совпадения — хорошо, пусть будут совпадения. Но вы знаете, что я говорю правду. И я знаю. Вы — с очень высокой вероятностью ведьма, Василиса Васильевна. Может, не такая опытная, как ваша бабушка. Или не такая сильная. Может, отрицающая, такое часто бывает. Но вы — ведьма. И это может означать, что вы тоже в опасности.

Василиса почувствовала, как по спине побежали мурашки, а в руках и ногах поселился зуд. Она повертела стопами, по очереди подняв ноги, и несколько раз с силой сжала и разжала кулаки, после чего проговорила мягко, как стараются говорить с умалишёнными:

— Хорошо. — она улыбнулась одними губами. — Хорошо, как скажете. Не буду с вами спорить.

— Зря вы так. — вздохнул Степан.

Он всё же переключил передачу, и внедорожник, переваливаясь с боку на бок, пополз по заросшей травой колее через поле. Василиса схватилась за ручку над окном и хмуро уставилась в окно. Слишком много на неё нацепили ярлыков за один день. Сперва кликуша, теперь вот — ведьма.

— Вы можете со мной не соглашаться, ваше право. Мне, в общем-то, особой разницы нет. Но вас ведьмой считаю не только я, и это уже — проблема.

— Что с бабушкой? Куда она пропала? — выпалила Василиса, резко повернувшись к Степану.

Но в ответ только покачал головой:

— Просто запомните, что вы не в безопасности. Запритесь дома, никуда не ходите. Я с вами свяжусь.

— Шикарно... — буркнула Василиса, снова отворачиваясь к окну, и выпалила: — Вы точно из полиции?

— Да. — быстро ответил Степан, но тут же мотнул головой: — Нет. Не совсем.

На это Василиса ничего ответить не успела — дорога в последний раз вильнула на въезде в деревню, и машина вдруг оказалась посреди толпы. Деревенские, молодые и старые, собрались возле дома деда Пети и бабы Кати, и у Василисы сердце запнулось от радости: нашли?!

Но через миг она сообразила, что обрадованными деревенские не выглядят. Скорее даже наоборот.

Она выскочила из машины ещё до того, как Степан успел затормозить, ввинтилась в толпу и протолкнулась к самому её центру. И замерла, не в силах вдохнуть.

Пузатая кружка, которую она принесла деду Пете из его дома, разбитая валялась на земле. А на лавке лежал Петрушка. Пётр. Обезображенная шрамами рука свешивалась до самой земли, а на белой футболке, в которой она видела его утром, цвели алые пятна крови. Дед Петя стоял на коленях. Он то и дело вытягивал руки вперёд, но тут же отдёргивал их, словно не смел прикоснуться к бледному, без кровинки, лицу внука. Рядом, понурясь, стоял Пал Саныч, засунув руки глубоко в карманы брюк.

— Что случилось? — спросила Василиса, повернувшись к старушке, оказавшейся ближе других, но та шарахнулась от неё, как от зачумлённой, мелко крестясь и беззвучно шевеля губами.

— Что случилось?! — повторила Василиса громче, и вокруг неё вдруг появилось пустое пространство.

Она посмотрела на Пал Саныча, тот беспомощно развёл руками и вдохнул, собираясь что-то объяснить, но над толпой вдруг прозвучал громкий визг:

— Вот она! Вот она, гадина, кликуша!

Баба Катя, красная и заплаканная, со сбившейся на сторону косынкой, неожиданно прытко подскочила к Василисе и влепила ей пощёчину. Василиса отшатнулась, запнулась о траву и села, больно ударившись копчиком.

— Змеища, тварь, Петеньку убила! Ты убила!

Василиса прикрыла голову руками, но баба Катя успела вцепиться ей в волосы и дёрнула, всем телом подавшись назад. Василиса вскрикнула, и старуха заверещала, изо всех сил пытаясь прижать Василису лицом к земле:

— Накликала, накликала! Как ты явилась, так и началось у нас тут беззаконие! У-у-у, змеища!

— Да прекратите вы! — вышел из ступора Пал Саныч, но робко, будто и сам не до конца верил, что надо прекращать.

— Убью! — взвыла баба Катя. — Убью стерву!

— Прекратите, ну что же вы...

Хлопок выстрела, сухой и резкий, словно обрезал все звуки разом. Пальцы бабы Кати разжались, толпа отхлынула от Василисы ещё дальше. Она подняла голову, вытирая слёзы боли и незаслуженной обиды, и оглянулась через плечо. Степан опустил руку с пистолетом, сунул его в кобуру на бедре и медленно, пружинистой походкой хищного зверя подошёл ближе. Он медленно обвёл столпившихся взглядом, задержавшись на покойном, и спросил:

— Что случилось?

— А вы, собственно... — подал голос Пал Саныч, и Степан продемонстрировал тому корочку:

— Капитан Краснов. Что у вас происходит?

— А, слышал, да. Предупреждали, что из Москвы группа...

— Что случилось? — настойчиво перебил его Степан.

— Да вот... — участковый нервным движением поправил фуражку и проговорил, пока Степан помогал Василисе подняться на ноги: — Искали Клавдию Ивановну, ребята ходили по лесу. Клавдия Ива...

— Я в курсе. — перебил его Степан. — Что с парнем?

— Пырнули его. — развёл руками Пал Саныч. — В лесу. Какие-то парни, вроде местные, а вроде и чёрт его знает. Друзья его попытались спасти, да куда там, принесли уже покойного, а мы...

— Ясно.

Степан крепче сжал предплечье Василисы и снова посмотрел на собравшихся. Под его взглядом люди отступили ещё на полшага, а причитания, снова поднявшиеся было после слов участкового, стихли.

— Все расходимся по домам. Прямо сейчас. В области ЧП, действует организованная группа террористов. Повторяю: никто никуда не ходит! Никто никого не ищет! Это понятно?

Толпа заколыхалась, как заросли тростника на ветру, но никто не двинулся с места, так что ему пришлось повесить голос:

— Все, кто останется на улице, будут задержаны, как соучастники!

Угроза подействовала. Люди стали разбредаться, тихо переговариваясь, и Пал Саныч подошёл ближе к Степану.

— Капитан, мы Скорую вызвать не можем. Телефоны...

— Я вызову всех, кого надо. Телефоны работать не будут. — оборвал его Степан. — Тех, кто был с ним, соберите у себя, я подойду, побеседую. Задача ясна?

Участковый кивнул и отправился к своему дому, на ходу успокаивая стариков и старух, беспокойно вертящих головами. Степан проводил его взглядом и повернулся к Василисе:

— Идёмте. Вам тоже пора домой.

Он потянул её в сторону дома, но замер, когда голос подал дед Петя:

— Василиса...

Она повернулась на голос. Дед Петя всё так же стоял на коленях, глядя на мёртвого внука. На лице его не было ни кровинки, черты заострились, и он будто разом постарел лет на двадцать, превратившись из пожилого, но ещё полного сил мужчины в глубокого старика.

— Ты не виновата. — глухо проговорил он. — Мы знаем, что ты не виновата.

Василиса не нашлась с ответом, и вместо неё ответил Степан. Его голос впервые прозвучал мягко:

— Идите в дом. Пожалуйста. Мы во всём разберёмся, мы поймаем тех, кто это сделал.

— Я останусь с Петру... с Петром. — проговорил дед Петя. И никто не стал спорить.

Степан ушёл, попросив Василису никуда не выходить, никому не открывать и ничего не предпринимать. Да у неё и сил не оставалось, чтобы двигаться с места — она упала на диван в комнате и затихла, как только закрыла дверь на замок. Портреты родственников со стены смотрели строго, но с пониманием.

Тело ломило после встречи с тем, что Степан упорно звал полудницей. Голова пухла от его рассказов о том, что волшебство реально. А душу рвало на части после встречи с деревенскими.

Пётр...

Василиса крепко зажмурилась, прижала ладони к глазам и давила, пока не исчез вставший перед глазами образ мёртвого тела на лавке и не поплыли под веками разноцветные пятна. Проверенный способ бороться с подступающими слезами.

Но от мыслей так просто было не избавиться. Глупые, горькие, они ползали в её голове по кругу. А вдруг и правда? Вдруг она виновата в гибели Петра? Вдруг накликала беду? Вдруг она — кликуша? Или ведьма? Раз уж целый не совсем капитан не только полиции сказал, что это всё правда...

С протяжным стоном поднявшись с дивана, Василиса подошла к шкафу и распахнула дверцу. Покрытое тёмными пятнами зеркало на её обратной стороне отразило комнату, окна с распахнутыми по случаю жары форточками, стол с засыхающим чабрецом... И Василису. Бледную, осунувшуюся, с тёмными синяками под глазами. Растрёпанные русые волосы торчали гнездом, губы дрожали.

Это так ведьма выглядит?..

Часть сознания, исковерканная фильмами, подсказывала Василисе, что ведьма должна быть либо молодой красоткой, перед которой такие, как Степан, падают штабелями, либо отвратительной древней старухой, без средних вариантов. С другой стороны, что-то, воспринявшее всё сказанное Степаном удивительно серьёзно, упорно нащёптывало, что ведьма может выглядеть вообще как угодно. Был и третий путь. Если бабушка — ведьма, то ведьма должна быть мудрой, сильной, знающей.

Но стоя перед зеркалом, Василиса не ощущала себя ни обворожительной, ни древней и злобной, ни тем более мудрой и сильной. Испуганной, усталой и растерянной — это да, это сколько угодно...

А если не ведьма, а...

— Кликуша? — произнесла Василиса вслух и наклонилась ближе к своему отражению.

Она заглянула самой себе в глаза и ощутила, как по коже побежал мороз. То, что плескалось в глубине её зрачков — что это? Страх, скорбь, усталость? Или одержимость? Или безумие? Резко отпрянув от зеркала, Василиса вышла в прихожую, подхватила рюкзак и вернулась с ним на диван. Потом зарылась внутрь, вытаскивая сменную одежду, бабушкин любимый кофе, который не продавался в местном магазине, яблоко, которое брала в дорогу... и нож в кожаном чехле.

Массивный кованый нож — широкое толстое лезвие и тонкий четырёхгранный хвостик, закрученный вдоль своей оси и загнутый в вытянутую петлю, формируя рукоять. Такие ножи зовут куюбриками, а если стесняются странного слова — белёвскими ножами. Василиса свой звала Пером, имея в виду не бандитское «перо под ребро», а птичью фамилию. Чем ещё владеть Сороке?

Нож-спаситель. Нож-оберег. Коснёшься рукояти — и тьма отступает.

— Привет, Перо. — прошептала Василиса.

Если её обрывочные воспоминания о детстве чего-то стоят, если Краснов — не вооружённый безумец с поддельной корочкой, если она кликуша — нож обожжёт. Как тогда, в детстве. Но ничего не произошло. Перо отозвалось на прикосновение потной ладони приятной мягкой прохладой и только. Что тогда?

Василиса вытащила нож из потёртого кожаного чехла и снова подошла к зеркалу.

— Тогда я ведьма? — произнесла она тихо.

Ветер тихонько отозвался, зашуршав в печной трубе. Или не ветер.

И Василиса повторила снова:

— Ведьма?

Бабушка никогда не учила Василису чему-то загадочному и так, как это обычно представляют: рассказывая, показывая и объясняя. Никогда не произносила чего-то вроде «Мы ведьмы, внученька!» Она даже наотрез отказывалась обсуждать с ней то, что произошло в детстве. Было и было, чего мусолить? Клавдия Ивановна, которую знала вся округа, просто жила, предоставляя Василисе право наблюдать и запоминать. Или не наблюдать и не запоминать.

И теперь, стоя в пустом доме на окраине притихшей, будто вымершей, деревни, Василиса изо всех сил прислушивалась к собственным ощущениям. И поблекшим воспоминаниям.

Первым делом она разожгла печь, несмотря на то что дом и так прогрелся за летний день. Печь и огонь в ней — сердце дома, то, что делает его живым. Коротать время можно в любом сарае, случись такая необходимость, но без хоть какого-то пламени он так и останется просто стенами и крышей. Затем она выбрала из бабушкиных вещей платок. Не парадный, с хитрым узором и из яркой ткани, а повседневный, просто квадрат белой ткани, обмётанный по краям. Тот, что впитал в себя и пот, и кровь, и каждодневные мысли своей хозяйки. Не самый нарядный, но родной и уютный.

Потом Василиса долго сидела возле печи, комкая платок в руках, думая о бабушке и наблюдая, как медленно опадают за чугунной дверцей языки пламени. И убеждая себя, что не сходит с ума. Что она просто пользуется любыми возможностями узнать что-то о бабушке. Когда же от нескольких поленьев остались лишь раскалённые чёрные угли, переливающиеся то рыжим, то алым, она изогнутой кочергой распахнула дверцу и протянула к жару руку с зажатым в ней куском материи... и замерла.

Требовалось что-то сказать. Прошептать, как шептала бабушка, заветное слово.

Только вот какое?..

Василиса закрыла глаза и глубоко вдохнула. На выдохе медленно раскрыла веки и поглядела на угли по-новому. Не так, как смотрел бы на них человек, выросший в городе, привыкший прятаться за бетонными стенами и от палящего солнца, и от колючего ветра, и от дождей, и от снега. Мысленно Василиса вернулась в прошлое, на много столетий назад, когда жар печи был единственной преградой между лютым холодом, беспощадным голодом и людьми. Когда печь была спасительницей и хранильницей, а не приятной экзотикой. Она облизнула губы и автоматически, даже не задумываясь о своих действиях, склонила голову. Потом снова посмотрела на угли и прошептала:

— Это я, Василиса... — голос прервался, и печь одобрительно загудела трубой, словно подбадривая. Василиса продолжила, робея, как перед кем-то старшим и мудрым: — Помоги! Расскажи, что с бабушкой. Пожалуйста...

Она аккуратно расправила платок и положила его на раскалённые тлеющие угли. Уголки ткани затрепетали, сделав его похожим на пытающуюся взлететь птицу, затем задрожал весь платок... Ткань вспыхнула, словно была пропитана бензином. Жадные языки пламени вырвались из топки, раскрылись в воздухе двумя ослепительно яркими крыльями, потянулись к Василисе, словно намереваясь её обнять. Взвизгнув, она отскочила, и оранжево-алые крылья опали, плюнув искрами. Нервно дрожа всем телом, Василиса перехватила кочергу и осторожно, стараясь не приближаться к печи, захлопнула дверцу топки.

С кружащейся головой и на ватных ногах она дошла до дивана и села на него, откинув голову на спинку. Протяжно выдохнула. Перо словно само скользнуло ей в ладонь, и Василиса с благодарностью стиснула знакомый изгиб рукояти.

Где-то вдалеке завывала, хрипло и надсадно, сирена.

3

Усталость взяла своё — даже под вопли сирены, даже при том, что сердце сжималось от волнения за бабушку, Василиса заснула. Будто провалилась в тёмный колодец. Её не беспокоили кошмары, не утешали светлые видения. Но и отдыха сон не принёс.

Проснулась она резко, вскинув голову и вскрикнув от короткой боли в затёкшей шее. Тишина ударила по ушам. Темнота дезориентировала. Взгляд зацепился за расплывчатое пятно желтоватого света, скользнувшее по стене. Резко скрипнули тормоза — кто-то резко, пропахав землю колёсами, остановился у дома.

Степан?

Василиса поднялась, автоматически схватив нож и прижав его к груди. Неужели Краснов вернулся с новостями? Но если так затормозил — едва ли новости хорошие. Василиса шагнула к окну, но тут же присела и нырнула в тень стола, спасаясь от света фар. Потому что Степан не стал бы грохотать по входной двери кулаком, крича:

— Эй, кто в домике? Играть выходи!

Потом в дверь ударили ногами, явно намереваясь снести её с петель. Василиса схватилась за мобильный, но тут же швырнула его на диван: связи по-прежнему не было. Схватившись за край стола, она осторожно привстала и выглянула в окно. На фоне ярко горящих фар колыхалось несколько силуэтов, ходивших взад и вперёд нагло, вразвалку. Так себя могут вести хозяева положения, уверенные в собственной безопасности.

Только вот никто никого хозяйничать не звал.

— Открывай давай! — снова проорал кто-то злым грубым голосом. — Живо!

— Бегу и волосы назад... — прошептала Василиса, крепче стискивая рукоять Пера.

Прикосновение к стали успокаивало, сразу казалось, что она не одна против... против кого?

— Э, пацаны! — один из силуэтов замер напротив окна и быстро приблизился, так что его голос стал слышен отчётливее: — Окошко открыто в домике!

Василиса прикусила губу и тихо застонала. Не догадалась, дура, закрыть! Хотя когда и от кого их в Дергунах закрывали? Все свои вокруг, никому чужие форточки сто лет не нужны были...

А незнакомец тем временем подошёл к дому вплотную и запрыгнул на подоконник, помогая себе руками. Приколоченная к доскам полоса жести затрещала под его весом, он легко сорвал натянутую от комаров мелкую сетку и проорал, сунув голову в форточку:

— Анка тебя ищет! Выходи, тогда не тронем!

Теперь Анка какая-то!

Левой рукой Василиса медленно стянула с Пера чехол. По позвоночнику побежал мороз, руки покрылись гусиной кожей. Что она собирается делать? Пустит нож в ход? Потом тряхнула головой и заставила себя задать вопрос прямо: она что, собирается порезать человека? Живого человека, острой сталью по его живой, тёплой коже?..

И таким же усилием воли заставила себя ответить наперекор страху: да. Собирается. Если эти люди не оставят ей выбора — она это сделает.

— Хорош трюндеть! — прогавкал тот, что перед этим колотил в дверь. — Лезь давай.

Василиса быстро привстала, бросила быстрый взгляд на окно, и почувствовала, что сердце заколотилось быстро-быстро, подскочив к самому горлу. Незнакомец протискивался в форточку, просунув вперёд вытянутую руку и голову. Он извивался червём, проталкивая себя вперёд, всаживая плечи в узкий прямоугольник оконной рамы, и что-то холодно блестело в его правой руке.

Не что-то. Нож. Длинный острый нож.

И он-то точно не постесняется пустить его в ход.

— Если Анка тебе сказала явиться, — хрипел незнакомец. — То ты делаешь, как сказано! Иначе тебе жопа!

Его плечи полностью оказались внутри дома, раскрытая ладонь свободной руки ударила по стеклу, и Василиса поняла: сейчас! Пронзительно вереща, она выпрыгнула из засады и подскочила к окну. Незнакомец тоже вскрикнул от неожиданности и махнул рукой — лезвие массивного охотничьего ножа мелькнуло в считанных миллиметрах от её носа. Автоматически, не понимая, что делает, Василиса вцепилась в его запястье левой рукой и повисла на нём, оттягивая вниз.

— Пусти, сука! — выкрикнул незнакомец, и Василиса ударила.

И не поняла толком, что ощутила. Не почувствовала ни как прорвалась под кончиком Пера кожа, ни как разошлись волокна мускулатуры. Было слишком темно, чтобы она даже разглядела, как лезвие погружается в плоть. Просто он вдруг завизжал высоко и тонко, рванулся всем телом, теперь пытаюсь вытолкнуть себя из форточки, а его запястье стало горячим, скользким и липким, будто вымазанным в подогретом меду.

И Василиса выпустила его. И упала на пол. По телу волнами бежала крупная дрожь, зубы стучали. Она сделала это! Сделала! Она!.. Нож незнакомца со стуком воткнулся в пол, выскользнув из его руки, а сам он рухнул на траву перед окном, крича:

— Она меня порезала, порезала, сука, порезала! Пацаны, у неё нож!

И Василиса, подхваченная волной хлынувшего в кровь адреналина, выкрикнула тоже:

— Да, у меня нож! Нож! Так что проваливайте!

— Она порезала меня! Эта сука меня порезала! — продолжал выть пострадавший.

Через окно Василиса видела, как он катается по земле, суча ногами и прижимая здоровой рукой раненную к груди. В свете фар хлещущая из глубокого пореза кровь казалась чёрной и блестящей, как нефть.

— Дом запалю — сама выскочишь! — хрипло прорычал главарь шайки.

И Василиса поняла: запалит. Это всё не шутки. Мороз побежал по спине. Да кто это, в конце концов, такие?!

Раненого тем временем без церемоний оттащили в сторону и бросили где-то за машиной, а из багажника достали канистру. Самую обычную, с тусклыми алюминиевыми боками и неудобной ручкой из трёх полых трубок. Главарь шайки ловко откинул крышку с широкого горлышка и неторопливо подошёл к окну. Наклонился, приставив свободную руку раскрытой ладонью ко лбу, чтобы разглядеть Василису, а когда заговорил, в голосе явно слышалась улыбка:

— Красного петуха тебе пустим! Выходи, последний раз предлагаю!

Василиса отступила на шаг от окна, судорожно сжимая Перо и держа его перед собой, будто надеясь отогнать врага от дома.

— Ну? — глумливо поинтересовался главарь. — Надумала выйти? Или подохнуть решила?

— Уходите! — выкрикнула Василиса.

Вышло так жалко и нерешительно, что она даже рассердилась на саму себя. Уйдут они, как же... Троица — а теперь она ясно видела, что перед домом трое — только разразилась хохотом. Злым и насмешливым.

— Сама решила!

Выкрикнув это, главарь шайки неторопливо приблизился к окну. Подручные помогли ему встать на подоконник, и он с силой втолкнул канистру к распахнутую форточку. Забулькал, вытекая на деревянный пол, бензин. Бензин! Резкий запах ударил Василисе в нос и вывел её из ступора. Ринувшись вперёд, она попыталась вытолкнуть канистру наружу. Ей это удалось,

но через миг она поняла, что попалась в ловушку: главарь ловко сунул в форточку свободную руку и цепко ухватил её за запястье.

— Попалась! — хохотнул он и дёрнул Василису на себя.

Резкая боль обожгла руку, кожа стесалась о край оконной рамы.

— Нет! — выкрикнула Василиса и всем телом дёрнулась назад, прочь от окна.

Кровь первого из бандитов, попавшая ей на руки, помогла ей вырваться. Она даже успела более или менее сгруппироваться в падении, и потому не ударилась затылком о доски и не напоролась на нож, так и торчащий в полу.

— Вот мразь... — разочарованно выдохнул главарь.

Крохотный огонёк зажигалки, которую он достал из кармана, показался Василисе ярче солнца. Весь мир на миг сузился до размеров этого небольшого язычка пламени и замер, застыл в потрясённом равновесии.

Подожгут! Правда! По-настоящему!

Развернувшись на месте, Василиса скакнула к печи. Точнее — к ведущему во двор окну возле неё. Уперлась ногой в прочную кирпичную кладку, навалилась плечом и резким движением распахнула давно присохшие, покрытые слоями старой краски створки. Прохладный ночной воздух хлынул в комнату, ласково погладил её по лицу, подбадривая: давай, почти получилось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.